

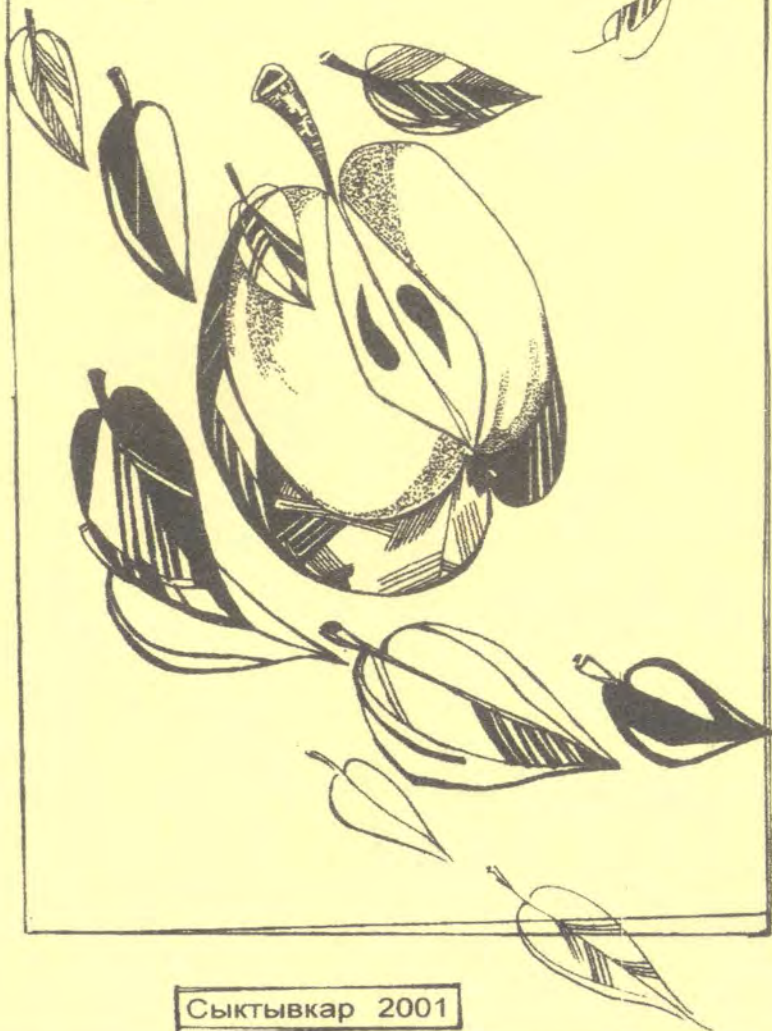
84(2Рос-Руч)6

П 64
1365276

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Александр Поташев

Яблоко осени

Сыктывкар 2001

2016
87

84(2 Рос-Рус)6-5
П64

Александр Поташев

Поташев А.А. Яблоко Осени. - Сыктывкар: 2001. - 30 с.

ЯБЛОКО ОСЕНИ

1365276

ГБУ РК «НБРК»
Пожертвованию
от Общ. орг. и Русский дом
«...» 2015 г.

87
1308567

Сыктывкар

2001

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Поташев А.Б. ЯБЛОКО ОСЕНИ. - Сыктывкар, 2001. - 20 с.

Редактор - С.Журавлёв

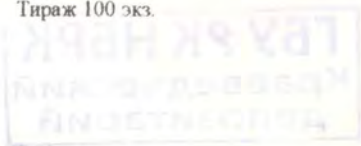
Обложка - Полина Гайнерт

ЯБЛОКО ОСЕНИ

Издано при содействии ООО «Фонд Экономических и Политических Технологий»

Компьютерная верстка - Г.Е.Богданов (КРОФ «Звёзды Севера»)

Тираж 100 экз.

1000

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Поташев Александр Борисович, родился в городе Нарьян-Мар. Мама, сельская учительница, преподавала в начальных классах в разных деревнях Припечорья, в основном на родине, в Ижемском районе: в селе Усть-Ижма, затем в поселке Щельяюр.

После окончания неполной средней школы поступил на вечернее отделение Коми республиканского училища искусств, но по семейным обстоятельствам был вынужден вернуться в Щельяюр, недоучившись.

В 1995 году вышел с инициативой о создании при отделе культуры Ижемской районной администрации литературного объединения с дальнейшим выпуском книжки. Инициатива нашла поддержку, книжка объединившая одиннадцать авторов вышла под названием «Восковые крылья». Через полгода вышли в газете «Красное знамя» первые подборки стихотворений, затем совместный с С. Журавлевым сборник стихов, где моя часть называется «Февральская сага». Участвовал в творческих семинарах Писательской организации РК. После выхода первого сборника публиковался в литературных альманахах, издаваемых администрацией Сыктывкара. «Яблоко осени» - второй сборник лирики.

Не женат. 26 лет. Детей не имею. До отъезда в Москву для поступления в Литинститут стоял на учете в службе занятости как безработный. Срочную в армии отслужил, наград не имею.

* * *

Отворите мне двери извне.
Незнакомые двери.
Я обещанной вами весне
по-осеннему верен.

Где возвысит минувшего след
босоногая полночь
по осенней нежности лет
вешней страннице в помощь.

Мне бы бездны её под ногой
не почувствовать. Мне бы
не рассыпаться млечной пургой
по бульжному небу.

Я сорву от чужого костра
бесприютное пламя
и вернусь, как настанет пора
возвращаться за вами.

Ошибусь, полагая «извне»,
что никем не потерян.
Ведь, окажется — кто-то и мне
по-осеннему верен.

* * *

К. С.

О, Русь, устало отвори
полей пустынные объятия.
Ещё над звонницей зари
горит Полярное распятые.

И май по-отрочески чист.
А ты за ветреной игрою
затихла, словно гармонист,
на грусть мгновение настроив.

О, Русь! Не надо о судьбе...
В грядущих сумерках и мне бы
весёлой песней о тебе
врасти в Тебя, вращая в Небо.

И не терзаясь, будто сном,
пожитками земного счастья,
теперь, в Преддверии Твоём
Успеть к последнему Причастью.

* * *

Отзвенела пощёчиной
юность её вдалеке,
словно память окликнула
песню свою на ночлег, —
это выпало мне
приложить к обожжённой щеке
чистый-чистый, как исповедь,
нынешней осени.. снег.

У оглывших свечей
тишину исповедует ночь —
Это сердце моё
продолжает безлиственный бег
от высокой своей
колыбельной усталости прочь
на изменчивый, словно
доверчивость осени... снег.

Видно ветер в отчаяньи,
вдруг обронил налету
в полнолуние глаз её
дождик под занавес век —
Я не верил, но таял
похожий на чью-то мечту
далеко не осенний
и всё ещё девственный снег.

* * *

Надрывно вздрогнув редким листопадом,
опомнится над омутом — жива...
— Ну что тебе ещё от жизни надо,
с берёз не облетевшая листва?

Впервые здесь по-здешни неуютно.
Знобящий сон туманится вокруг.
И дождь, такой седой и неотступный,
как старый друг, единственный мой друг..

Не осень, нет, и не расплата. — Просто,
о всех живых над памятью моей
грустила Божья Матерь на погосте,
и Родина моя внимала Ей.

* * *

Сны заводит февраль, эти белые сны!
Я от вьюги боюсь не проснуться в апреле.
Кто-то робким дождём на холсте тишины
затушует мелодию поздней метели.

И с надрывной своей обречённостью вброд
прокопят зарю белогривые черти.
И бродячим художником ангел сойдёт
и распробует краски на внешнем мольберте.

Что ещё в беспробудном искать феврале?
Я ничуть не жалею, что как-то иначе,
обо всём, что однажды уснёт на земле,
будет осень слагать журавлиные плачи.

Всё живое, случайно коснувшись земли,
так печально, потом возвращается в небо,
где кого-то зовут и зовут журавли,
унося о себе безымянную небыль.

* * *

Не сгоревшие письма,
не тлен календарной листвы,
это — пепел весны
по углам заметен сквозняком,
невесомо влетевшим в июнь.

* * *

Ты жив ещё, пока кого-то ждёшь.
Ты будешь жив, пока кому-то нужен.
Пусть мимо даже беспризорный дождь
проморосил на цыпочках по лужам.

* * *

Небо — всё, что пришло на ум.
Всё — о чём пою,

словно с чужого плеча костюм
брошен на тень мою.

Небо — всё, что идёт на слом,
если с собой — вдвоём.
Небо — камень на сердце моём,
если молчу о нём.

Небо — это на что иду,
ныне и наяву.
Небо — это, когда в бреду
имя твоё зову.

Верности равен оконный свет,
вечный — не по избе.
Даже, где равенству места нет,
вечность равна тебе.

От всего, что признал
за тобой листопад,
ты признаешь за памятью —
встречность.

где бы
ни остался с тобой
мой транзитный закат, —
эта алая грусть
беспокойного неба.

Опрокинутой верностью
тонет лодья
этих суток
за дымкой безмолвия сосен.
Но под парусом жёлтым
слепого дождя,
ты причалишь к метели
усталую осень.

ЗОВ

— Она осталась где-то вдалеке
меж двух потерь связующей надеждой.
Как боль, неосязаемая прежде,
её ладошка на моей щеке...

— Но здесь её далёкое нигде,
в моём непредсказуемом апреле!..
— Как осознать у лунной колыбели
молчание вселенной о звезде..

Развернется восход
в подслеповатом небе,
где над собой, увы,
не властна тишина.
И я сорвусь туда,
где я когда-то не был,
в зияющую явь
на пепелище сна.
Но осени моей
ещё не вскрыты вены,
и в даль мою ещё
не хлопнули дверьми...
А потому опять
за бытие вселенной,
небытие листвы,
прями меня...
Прями.

ИРИНИНА ОСЕНЬ

Надежда оплывала стеарином,
и утверждалась ночь за ночью, но...
Распятыя звезд с названием «Ирина»
роняла в запотевшее окно.

За окнами в непостижимом вальсе
всё так же, ночь за ночью, невпопад,
сходил с ума, но всё не унимался
по имени Ирина листопад.

Но чья-то тайна с осени постылой,
озябшая, просилась на ночлег.
И, значит, в октябре на всё, что было,
по имени Ирина выпал снег.

* * *

Там, где роща грустит у дорог, заневестясь.
Там, где взлаяли сумерки в глупом испуге,
кто-то в омуте неба вылавливал месяц,
да запутался сам в белом неводе вьюги.

А погост расплзался по ниточке боли.
И над этим обрывом, над общей судьбиной,
ухватилась корнями за краешек поля,
как за мамин подол, переросток-рябина.

Ой, ты, поле моё, белотканное поле!
Где пасутся твои беспокойные кони?
Оторвались они от осиновых кольев,
не найти их, безудержных, в тихом загоне.

Им бы только в твои окунуться ладони,
да напиться бы вдоволь игристого мая...
Кто пастушил, когда распоясались кони,
звёздной рысью зарю за собой устилая?

Ты раскнижь им от края до края объятья.
Или напрочь забыли мои воронье,
что, по-бабьи стесняясь за старое платье,
ты по-прежнему носишь призыванье — Россия?

* * *

На Восток мои дороги, на Восток.
Не восходит над туманом Коловрат.
Мне на Родине бы — Родины глоток...

Богородица, сегодня поутру
подняла лебяжье воинство Своё.
Песней предков тает роща на ветру...

Напой осенней зорькой, напой
из горстей крылатых вешние глаза.
Искупительных дождей шаги твои
напророчила последняя гроза.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Ни шагов на ступеньках крыльца,
ни собачьего лая
не послышалось мне
в неосознанном ливне.

Ну что же...

Просто ливень как ливень
дубасил, и знать не желал он
никого. Кроме той,
в облегающем платье, прохожей.

С незапамятных вьюг
эта беженка пылкого мая,
как и всякую осень,
меня по грустинке смакуя,
осознала, что я
почему-то и знать не желаю
ничего, кроме ливня,
до боли сезонного — все.

Неземное своё
тишина от молчала на это.

Прежде не было в ней
ничего молчаливей, пожалуй.

И таких неосознанных ливней
на паперти лета
беспричинная осень,
пожалуй, ещё не рожала...

Кучерявилось время,
зарю за собой застилая.

Но и после не вымолил я
у ночного безводья

ни шагов на ступеньках крыльца,
ни собачьего лая...

Я, похоже, надолго забылся
в своей непогоде.

Я гадал по листе облетевшей березовой рощи.

В сентябре. На тревожную, гулкую, дальнюю даль.

Я гадал,

и, подчас, вырывала из рук моих вожжи

непугливой надежды слепая возница —

печаль.

Я гадал в сентябре по листе

на завестные двери,
 а точней — на ворота дворца,
 где еще со двора
 принимали находкой меня,
 провожали — потерей,
 в этом самом дворце,
 под названием светлым — «Вчера».
 И гадалые карты — листву
 восприимчивый ветер
 то под ноги бросал мне с тоской,
 то с размаху в лицо...
 Я гадал на дворец,
 но вдали удивленно заметил
 незнакомой избы под названием «Завтра»
 крыльцо.
 Я гадал в сентябре по листве...
 Может, все-таки проще
 не выгадывать в сроках,
 не мерить в цене наугад
 протяженностью в жизнь беспокойство
 березовой роши
 в календарный, густой к непогоде судьбы,
 листопад.

* * *

Я учинил очередная побег.
 И тройка вороных рвала подпруги.
 И от вина, пролитого на снег,
 со мной опять зангрывала вьюга.

Мне этим снегом память замело,
 и нагишом, терзая чьи-то губы,
 я все гадал: кому со мной тепло
 плоть во плоти, поверх овчинной шубы.

А тройка высекала звездный пляс,
 пыля по краю света белым пеплом...
 Во мрак ее полуночного пекла
 несите, вороные бесы, нас!

И ночь была отчаянно тиха,
 и головокружительны низины,
 где были мы неистово невинны
 друг перед другом во грехе греха.

Остался зов домашнего огня
на долгий путь к усталому началу,
куда седого под руку меня
бесёнок белым вьюга провожала.

А тройка! А она за часом час
дробила опрокинутые сутки...
Наперекор усталому рассудку
несли над миром вороны бесы нас!

ЛИЦО В ОКНЕ

Осень во всю... Что ж,
осень не помнит слёз,
тихо вплетая дождь
в пряди твоих волос.

Все б окупилось, лишь
было б известно мне,
что по ночам не спишь —
теплишь лицо в окне.

Но, разразившись вдруг,
ливням еще звенеть...
Колокола разлук
мечут на листья медь.

Не поднимай лица
к темени звездных вех.
Я занесу с крыльца
спелый осенний снег.

БЕРЕЗЕ

Мир сошел на тебя и притих
на древесных коленях.
Я еще и не видел таких
откровенно-весенних.

Низведу всю февральскую грусть
до слепого азарта...

Я, наверно, сейчас утоплюсь
в лунной проруби марта!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Как тебе с подснежниками дружится?..
Отпусти мне грусти на глоток,
где луны серебряную лужицу
о тебе наплакал ветерок.

Я из ничего успел не многое,
Я тобой за что-то не прощён,
Ты уже бессмысленно далёкая,
Ты, увы, далёкая ещё.

Снизойди улыбкой на мои уста,
я издалека... «издалека»
улыбнись мне спящая, пожалуйста,
словно этот сон не на века.

Мы с тобою временем не признаны,
Вне его навязчивой игры,
по звезде на тишину нанизаны
погремушкой дальние миры.

Я из ничего успею вытеснить
боль земную на алтарь земли...
Вывеснись и эту нежность выпесни
тихой зорькой в голубой дали.

БЕРЕГ

Еще в небесной гавани Печоры
в вечернем ветре плещется заря,
и парусами сонно никнут шторы
у тихого причала ноября.

Сойду по сходям ночи в гулком поле
и припаду к щемящей тишине,
где от костра необратимой боли
ты пламя рук протягивала мне...

Уже зима в забывчивости слепла,
Так почему ж, ослепшему вчера,
мне даже снегопад казался пеплом,
хрустальным пеплом твоего костра?

Где без конца — единое начало —
цепная ночь не сходит со двора,
Я оторвусь от своего причала
за млечным дымом твоего костра.

И отойдет с печальным опозданием
от горизонта дымка птичьих стай...
Я вновь шепчу кому-то: «До свиданья!»,
когда так надо прокричать: «Прощай!»

БАБЬЕ ЛЕТО

Я не знаю, сколько ливней
изведется в полуное,
полулепете,
Я прошу вас, так надрывно
не рыдайте надо мною,
гуси-лебеди.

Не отбиться от объятий
крыльев трепетной разлуки.
Но в полголоса
мне еще поют полати.
Прелым сеном пахнут руки,
ветром — волосы.
Вот, когда легко и броско
кто-то летом... бабьим летом
разоденется.
Поминально всхлипнут доски, —
я опомнюсь до рассвета
от метелицы.

Пусть на тот, на берег млечный,
по-лебяжьи, за высоткой
кто-то спешится. —
Мой паромщик вековечный
к тишине причалит лодку
полумесяца.

ПРИЧАЛ

Какой туман! Я снова на причале.
Паром безлюден. Мне уже пора...
А мысли, словно бабочки, сгорали,
всю ночь слетаясь к пламени костра.

Мне нравится, что тратится на брызги
его восторг у призрачной черты,
и жаждет жертвы, и в предсмертном визге
взмывает выше собственной мечты.

Сгорю и я на этом перегоне,
спорхну улыбкой с вешних губ земли.
Гори, костер, пока пасутся кони,
их звездный зов оплачут журавли.

Какой туман! Им выставлены тернии,
по их ступеням с шелестом дождей
восходит осень гулкой вечерней
в алтарь зари с камильницей твоей.

Гори, костер, пока грустит о чем-то
с причала ночь, и чудится с кормы:
Топор заката в плаху горизонта
уже вошел по рукоять зимы...

* * *

Собирались подружки на спевку,
И куда-то шутиливо маня,
страсть чужая — бедовою девкой
в первый раз охватила меня.

И всю ночь ошалело ласкала,
и дышала... дышала навзрыд,
и бежал я в поля с сеновала
унимать эту радость и стыд...

Опечатав могильной табличкой
эту тайну далёкого дня,
кто-то, словно по старой привычке,
через годы окликнул меня. —

Это так безусловно и просто
на Васильевский берег опять
вышла девочка, чудный подросток,
до парома меня провожать.

Может, девочка знает украдкой,
от какой недалёкой вины
я бегу по-осеннему шатко
вдаль её запоздалой весны.

* * *

Вам от слез, увы, не стало легче.
Тут еще, до жалости некстати,
наглый, как подвыпивший приятель,
навалился дождь на Ваши плечи.

Сад — не сад, а так — зависший хворост
мне листвой осыпется навстречу.
Я опять в позёмках не замечу
чей-нибудь ещё прозрачный возраст.

Ни меня, ни ночи не минуя,
дождь проморосит за Вами следом.
Этот путь мне, видимо, не ведом,
что до слез ведёт от поцелуя.

Упадём в небытие, отчалив
наших крыльев звёздные лохмотья...
Если плоть не искупить и плотью,
то печаль — не стоила печали.

* * *

Ты обхватишь покрепче худое запястье гитары.
Как случилось, по венам, по струнам её полоснёшь.
Чей-то голос утробный, с каким-то давнишним
нагаром,
мне напомнит промозглый, когда-то излившийся
дождь.

Что ж так бьётся в груди одиночества глупое чадо?
Этот милый каприз так нелеп и отчаян, порой...
Что ж так хочется слез? Словно Родины тихая радость
притаилась во мне и взошла над лутами зарёй.

Мне твоей колыбельной уже не забыть, не забросить,
 Я в клубке этой пряжи такая ж певучая нить.
 Да простит нас любовь за свою невесёлую проседь,
 Я подол её выюги готов за тобою носить.

ПИСЬМА

Мне радость кажется бездонней,
 когда она приходит вкратце.
 Такие письма, как ладони,
 к ним просто хочется прижаться.

Там тоже к трепетной зарнице
 припал сегодня тихий вечер.
 В ней так и хочется забыться,
 набросив сумерки на плечи.

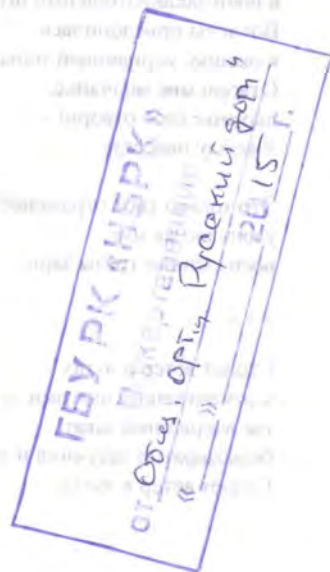
И, словно сказочную зыбку,
 качнули память руки милой...
 И на устах моих улыбка
 с мечтой тихонько опочила...

Благословен лебязжий клирос:
 Я — лишь залётный пострелёнок.
 Блажен в разлуке, кто не вырос
 из крыльев, словно из пелёнок.

Мне просто хочется забыться
 в полях тетрадного проёма...
 А где-то стонут половицы,
 Тревожно стонут половицы
 в бреду полуночного дома.

От разлуки оправлюсь немного
 И, как водится день ото дня,
 заболую обратной дорогой.
 — Не лечите больного меня.

Это ветер мечты беспризорной
 породнился со мною, когда

1365276

первый раз в погребальные горы
окликали меня поезда.

Теплоты ли искал хлебосольной,
проклинал ли голимую соль,
обходил ли разлукой окольной
одиночество чье-то и боль —

все приемлю без крика и мести,
примечтавшись к осине вдали...
Пусть однажды хорошие вести
от меня унесут журавли.

Пусть однажды, не больше не меньше,
по-мальчишески нежно, дотла,
отболею светлейшей из женщин,
что негромко любимой была.

* * *

Загадал на звезду —
на прекрасную выдумку ночи,
что никак не померкнет
в пустынных виденьях моих. —
Словно нет мне печали
к завстному чуду короче,
как чужого творенья
в ночи заключительный штрих.
Вот и ты прислонилась
к окошку мерцающей тенью.
Отвори мне молчанье,
дыханье своё отвори! —
Я войду навсегда...

Это только твое отраженье
увенчало на миг
воспаленные грёзы зари.

* * *

Стонет ветер в лугах —
в отмечавших цветами лугах,
где вчерашний закат
безвозвратно задумчив и дивен.
Стонет ветер в лугах,

где однажды восторженный ливень
возвестил о себе...
и в метельный рассыпался прах.

Стонет ветер в лугах,
осязая пустынную высь,
безответную высь...
Нет ни воли ему, ни покоя?
Стонет ветер в лугах. —
Словно эти вчерашние двое,
ошалев от разлуки,
в посмертной тоске обнялись!

Две уснувших любви
обрели их случайный приют.
Стонет ветер в лугах,
на руках октября умирая...

Да опустится ночь,
где, влекомые гаснувшим граем
перелётной поры,
два несбыточных счастья бредут!

13 октября 2000 г.

ДОМОЙ

Просто
там, на высоком лугу,
кто-то жертвует звездные росы.
Просто
ветер венчает пургу
с легкомысленным юным морозцем.
Просто
пьяный я день ото дня,
и на мне снегопад не по росту.
Просто
кто-то заждался меня
у огня, по-домашнему
Просто.

Содержание

Отворите мне двери извне	4
О, Русь, устало отвори	4
Отзвенела пощёчиной	5
Надрывно вздрогнув редким листопадом,	5
Сны заводит февраль, эти белые сны!	6
Не сторовшие письма,	6
Ты жив ещё, пока кого-то ждёшь	6
Небо — всё, что пришло на ум	6
От всего, что признал	7
ЗОВ	7
Развернется восход	8
ИРИНИНА ОСЕНЬ	8
Там, где роща грустит у дорог, заневестясь	9
На Восток мои дороги, на Восток	9
СЕЗОН ДОЖДЕЙ	10
Я гадал по листве облетевшей березовой рощи	10
Я учинил очередная побег	11
ЛИЦО В ОКНЕ	12
БЕРЕЗЕ	12
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	13
БЕРЕГ	13
БАБЬЕ ЛЕТО	14
ПРИЧАЛ	15
Собирались подружки на спевку	15
Вам от слез, увы, не стало легче	16
Ты обхватишь покрепче худое запястье гитары	16
ПИСЬМА	17
От разлуки оправлюсь немного	17
Загадал на звезду —	18
Стонет ветер в лугах —	18
ДОМОЙ	19

